

16.07.19

ОБМЕН СИГНАЛАМИ: КАК США ВОВЛЕКАЮТ ИРАН В ПЕРЕГОВОРЫ

Решение Дональда Трампа об отмене ударов по Ирану вроде бы разрядило обстановку. Но новые инциденты с танкерами в Персидском заливе и намерение Тегерана повысить уровень обогащения урана сохраняют ситуацию «тлеющего напряжения».

Иранцы ступили на путь, от которого их предостерегали, — отказ от выполнения некоторых положений СВПД, обогащение урана выше 3,67% и провокационная риторика в отношении США и их союзников. Тот факт, что эти действия во многом стали ответом на выход США из «ядерной сделки» и невыполнения значимых для Ирана условий этой сделки со стороны европейцев, мало кого теперь заботит. Мало кому интересно и то, что достигнутые иранцами 4,5% — такую цифру фиксирует МАГАТЭ — это пока еще низкообогащенный уран, обладать которым вправе любой член этой организации.

Разумеется, политические оппоненты американского лидера в Вашингтоне и абсолютное большинство стран осуждают выход США из сделки и видят в этом решении пролог к новому витку эскалации на Ближнем Востоке, а специалисты по нераспространению полагают, что пока серьезных рисков для получения Ираном ядерного оружия нет. Но в отсутствие возможностей повлиять на сильного одни заинтересованные игроки предпочитают ограничиваться «риторикой сожаления», другие — пожурить того, кто послабее.

«Для европейцев это уже не вопрос спасения СВПД, а спасения собственного лица» — так до последнего времени не раз говорили в частных беседах высокопоставленные иранские дипломаты. Подобная кажущаяся наивность для обычно крайне прагматичных иранцев обернулась для Тегерана очередным разочарованием.

Европейцы не стали рисковать в отношениях с США собственным политическим капиталом и финансовыми активами — отдельные инициативы не изменили негативной для Ирана картины. Но изыскать варианты спасения собственного лица они сумели: британцы по большому счету солидаризовались с американцами в деле наращивания давления на Иран, хоть формально и не поддерживают выход США из СВПД, а лидеры континентальной Европы активно имитируют мирное посредничество между Вашингтоном и Тегераном — сейчас этим занят французский президент **Эмманюэль Макрон**.

Пока же разрыв между ожиданиями Ирана и реальностью остается слишком большим, внутреннее напряжение в стране понуждает руководство в Тегеране идти на односторонние меры, которые дают желающим повод утверждать, что иранцы хотят получить ядерное оружие и доминировать в регионе.

Стратегия «трех Д»

В работе со стратегическими противниками Соединенные Штаты зачастую опираются на подход «трех Д» — демократизация, демонизация, давление. Обычно три этих компонента применяются «ступенчато» — иногда достаточно первого (ФРГ и Япония после Второй мировой войны), но чаще приходится задействовать второй и третий. В случае с Ираном администрация Трампа задействует все три составляющие одновременно.

Нарращивая давление на все институты иранской власти и отдельных руководителей и рисуя образ злонамеренной «державы-парии», Соединенные Штаты в идеале желали бы видеть в Тегеране более лояльное руководство, но по факту готовы ограничиться сотрудничеством иранцев по значимым для США и союзников темам. Это своеобразная «демократизация а-ля Трамп», где трансформация природы режима не обязательна, пока он готов работать с Вашингтоном на выгодных для США условиях. Отсюда постоянные сигналы Трампа и некоторых высокопоставленных американских дипломатов о желании переговоров и «новой сделки» с одной стороны и информационная кампания по обличению «режима аятолл», угнетающего рядовых иранцев, — с другой.

Три препятствия

Роль «плохого парня» в исполнении советника Трампа по национальной безопасности **Джона Болтона** в этом смысле весьма кстати — ведь если есть «плохой», должен быть и «хороший», с кем в итоге иранцы согласятся вести переговоры. Проблема в том, что Болтон не играет роль, он ею живет. У него свой набор единомышленников в Вашингтоне, а также конкретная, весьма ригидная и не всегда совпадающая с трамповской повестка по Ирану, в которой переговорам если и есть место, то только о капитуляции. Поэтому, если отношения Трамп — Иран — это про переговоры и сделку, в среднесрочной перспективе Болтон, скорее, деструктивный элемент. Это первое значимое препятствие для проведения переговоров и возможной нормализации ситуации.

Второе заключается в отсутствии конкретных модальностей таких переговоров, их содержательного наполнения и прочности потенциальных договоренностей, учитывая отношение иранцев к фигуре самого Трампа. СВПД было продуктом долгих и

комплексных переговоров, в результате которых удалось прийти к набору взаимных обязательств, исполнять которые взялись наиболее значимые и, как тогда казалось, дееспособные игроки международной политики. Однако все это не помешало Трампу фактически обрушить соглашение односторонним волевым решением. Даже если президент США более трепетно относится к соглашениям, которые инициировал он сам, веры в подобные договоренности в Тегеране немного. В связи с этим многие в Иране призывают просто переждать президентство Трампа. Это можно было бы считать рациональным подходом, если бы не одно «но» — переизбрание Трампа на второй срок более чем вероятно, а значит, никто не даст Ирану возможности просто сидеть и ждать до 2024 года.

Наконец, третье препятствие к началу формальных переговоров — порядок уступок. США требуют от Ирана прекратить «зловредные действия» по всему ближневосточному региону, свернуть программу по разработке баллистических ракет и отказаться от «намерений получить ядерное оружие». Список требований Тегерана возглавляет снятие нефтяных и финансовых санкций. Обе стороны убеждены, что начать должны их визави. Обе предлагают кажущиеся убедительными доводы. Правда, в этом споре есть и третья сила — американские союзники в регионе, где наиболее жесткая антииранская позиция у Израиля и Саудовской Аравии. Дополнительным отягчающим для Ирана обстоятельством является новый избирательный цикл в Израиле. Тема «иранской угрозы» крайне важна, и соревнование за то, какая партия способна лучше защитить от нее израильское государство, — вопрос не просто предвыборной риторики, но реальных военно-политических решений. Если кому-то кажется, что политика действующего премьера Биньямина Нетаньяху в отношении Ирана непропорционально жесткая и излишне эмоциональная, оппонентами Биби в Израиле она оценивается как малоинициативная и требующая еще большего давления при новом кабинете. Характерная для предвыборной ситуации дилемма в отношении значимого противника — «слишком много давления — слишком мало давления» — будет актуальной не только для Израиля, но и для самих США. В Америке также стартовала избирательная гонка, и вопрос политики в отношении Ирана хоть и не центральный для общей повестки, но достаточно важный в ее внешнеполитической части.

И все же, несмотря на обозначенные сложности, переговоры фактически начались. Пока они бесконтактные, проходят на уровне обмена сигналами, выработки переговорных позиций и прощупывания уязвимостей оппонента. Примечательно, что некоторые правительственные консультанты в США даже усматривают в иранском поведении в июне-июле смену тактики: от «отрицания причастности» к «большой дисциплине» (from deniability to discipline). Если не считать это наблюдение выдаванием желаемого за действительное, возникает вопрос: стала ли подобная перемена результатом политики «максимального давления» Трампа, или Иран самостоятельно осознал, что подобная линия принесет ему больше пользы? Пока же очевидно, что под пеной взаимных пикировок обе стороны работают над подготовкой к более сложному этапу позиционного противостояния.

Оригинальная публикация **РБК**

Источник: **Обмен сигналами: как США вовлекают Иран в переговоры**

ОБ АВТОРЕ

Максим Сучков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, США

Область экспертизы: Специалист по внешней политике США на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Исследователь проблематики лоббизма в международных отношениях.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор издания «Al-Monitor». Эксперт Российского совета по международным делам. Был приглашенным исследователем в Нью-Йоркском и Джорджтаунском университете.

